

**БОЛГАРСКИЕ ПОЛИТЭМИГРАНТЫ НА УРАЛЕ В 1920–1930-Е ГОДЫ:
ОБСТОЯТЕЛЬСТВА И МОТИВЫ МИГРАЦИИ, АДАПТАЦИЯ И СУДЬБЫ
(по материалам судебно-следственной документации)¹**

Статья посвящена изучению политической эмиграции болгар на Урал в 1920–1930-е годы. На основании данных судебно-следственной документации, отложившейся в архивах Пермского края и Свердловской области, реконструированы обстоятельства миграции, жизнь и адаптация политэмигрантов из Болгарии на Урале, а также репрессии против них.

Автор приходит к выводу, что в 1930-е гг. в условиях массового выезда из СССР политическая эмиграция, в том числе из Болгарии, могла стать важным источником пополнения кадров для растущей экономики СССР. Однако начавшиеся репрессии не позволили сформироваться постоянно действующему миграционному каналу из Болгарии в СССР.

Автор убежден, что рассматриваемая проблематика актуальна не только для изучения политической эмиграции в СССР, но и для расширения представлений об истории локальных этнодисперсных групп Урала.

Ключевые слова: этнодисперсные группы на Урале, болгары, политическая эмиграция, СССР, политические репрессии

Пребывание болгар в нашей стране насчитывает несколько сот лет и плотно вписано в основные этапы российской истории. Между тем одной из малоизученных страниц остается политическая эмиграция болгарских коммунистов в СССР в 1920–1930-е гг. В этот период в стране жило и трудилось немало болгар, сыгравших в дальнейшем важную роль в истории своей страны. Историографически эта тема входит в более широкое исследовательское поле, связанное с эмиграцией в СССР коммунистов из разных стран мира во второй четверти XX в. В тот период политика и идеология Советского Союза находили много единомышленников из разных стран, которые приезжали в СССР в поисках политического убежища или для практической реализации своих социалистических убеждений. По подсчетам немецких историков Б. Штудер и Б. Унфрида, до середины 1930-х гг. в СССР въехало свыше 10 тыс. политических эмигрантов. Это были преимущественно поляки, болгары, латыши, немцы и румыны [1, с. 34]. Все они были активистами различных политических организаций, близких к коммунистической идеологии. Как известно, в советской историографии деятельность революционеров разных стран 1920–1930-х гг. активно освещалась. Если говорить о Болгарии, то необходимо выделить работы Р. Аврамова, Л.Б. Валева, В.Ф. Кадацкого, а также в двухтомное академическое издание РАН «История Болгарии» [2–5]. Кроме того, немало литературы на тему развития революционного

¹ © Каменских М. С. Текст. 2020.

движения и партийной истории написано болгарскими исследователями 1950–1960-х гг. [4, с. 5–9]. Болгарский историк Г. Аврамов даже приводит историю двух рабочих — Петко Напетова и Георги Иванова, которые сумели добраться в Советский Союз через Германию. Вернувшись из СССР, Г. Напетов издал книгу «В стране строящегося социализма», которая широко использовалась советской пропагандой как доказательство преимуществ советского режима [2, с. 112]. Однако судьбы политических эмигрантов после их попадания в СССР в работах историков не отражены. Болгарские эмигранты не являются исключением. Советские историки практически ничего не писали об их жизни после приезда в СССР. В современной историографии же последних десятилетий, посвященных истории болгар, политэмиграция в СССР практически не рассматривается. В публикациях современных авторов А.В. Ганина, С.В. Гусева, С.В. Жабчика в основном раскрыта история болгар начала XX в., а также активно изучается тема депортации российских болгар Крыма 1944 г. [6–12].

Изучение болгарской политической эмиграции в СССР 1920–1930-х гг. представляется актуальным не только для понимания особенностей эмиграции в СССР довоенного периода, но и для расширения представлений об истории болгар в России целом. Особое место в этой эмиграции принадлежит Урало-Сибирскому региону, поскольку именно на его территорию для учебы и работы приезжала немалая часть болгарских коммунистов. История болгар на Урале частично представлена в трудах научного коллектива Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН [13], однако страницы истории политической миграции болгар на Урал в исторических исследованиях еще не отражены.

Основным источником для подготовки данной публикации стали материалы судебно-следственных дел, отложившихся в фондах Пермского государственного архива социально-политической истории (ПермРГАСПИ) и Государственного архива административных органов Свердловской области (ГАООСО), а также ряд делопроизводственных и справочных материалов этого периода. Протоколы допросов, анкеты арестованных, автобиографии и воспоминания, письма родственников и документация по реабилитации позволяют полностью реконструировать мотивы миграции, ее обстоятельства, жизнь эмигрантов в СССР, характер и специфику репрессий против них. Многие материалы впервые вводятся в научный оборот.

Обстоятельства приезда и маршруты следования в СССР. Начало массовой эмиграции из Болгарии было продиктовано историческими реалиями. Неудавшееся вооруженное восстание сентября 1923 г. (Септемврийско встание) и начатые правительством А. Цанкова массовые аресты коммунистов заставили последних искать политического убежища за рубежом [5, с. 128–142]. В середине 1920-х гг. бюро ЦК Коммунистической партии Болгарии (КПБ) переехало в Москву, здесь постоянно проживали Г. Димитров, В. Коларов, Т. Матанов, Т. Костов

и другие руководители коммунистического движения Болгарии [4, с. 53]. Неудивительно, что скрываясь от официальных властей, болгарские революционеры пытались попасть именно в СССР, поскольку там не было преследований и можно было найти работу. Интересно проследить и представления эмигрантов об этой стране, отложившиеся в источнике. «Когда меня били в Греции, добываясь причины перехода границы, я знал, что попал в страну, где мне, крестьянину не будет жизни, поэтому я приехал в СССР», — так объяснял мотивы своего переезда коммунист Илья Стойлов¹. А Христо Колев решение эмигрировать описал следующим образом: «С 1932 года я решил нелегально выехать в Советский Союз, так как из газет „Эхо погляд“ я знал, что в Советском Союзе безработицы нет»². Похожее мнение имел и Николай Пинов: «Меня лично вынуждало уходить из Болгарии отсутствие перспектив устроиться на работу»³.

Источники позволяют начертить и примерный социальный облик болгарского политического эмигранта того времени. Большинство из них к моменту эмиграции находились в возрасте от 20 до 30 лет и в основном были выходцами из крестьянской или рабочей среды, хотя Георгий Готиевский, например, был сыном генерала Болгарской армии⁴. Многие еще до приезда в СССР имели серьезный стаж революционной работы и даже проходили обучение в СССР. Так, политэмигрант Георгий Дубов был одним из участников Сентябрьского восстания. «В этом восстании я как член компартии возглавлял отряд повстанцев в 200–300 человек», — писал он в своей автобиографии⁵. Николай Пинов перед эмиграцией в СССР в 1933 г. уже имел 10-летний стаж партийной работы в БКП и неоднократно арестовывался болгарской полицией за революционную деятельность⁶. В 1922–1923 г. он даже учился в СССР по линии болгарской секции Коминтерна, после чего вновь был отправлен на родину для революционной работы под именем Василия Петрова. Филипп Шинев, с 1917 г. находящийся в БКП, имел педагогическое образование и руководил местной сельской ячейкой коммунистов. С января 1920 г. он, по его словам, в ходе стычки убил двух полицейских, но был оправдан судом и снова занялся революционной деятельностью⁷. Отметим, что к эмигрантам могли примыкать обычные преступники или авантюристы. Так, Христо Колев сообщал, что он прибыл в СССР, поскольку застрелил человека и бежал от правосудия, но при пересечении границы сказал, что занимался политической деятельностью⁸.

¹ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 13265. Л. 10–10 об.

² ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 52192. Л. 10.

³ ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 14923. Л. 35.

⁴ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 59632. Л. 5.

⁵ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 52192. Л. 28.

⁶ ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 14923.

⁷ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 20609. Л. 15.

⁸ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 52192. Л. 9–12.

Источники позволяют реконструировать и маршруты следования в СССР. Его каждый разрабатывал сам, поскольку легальный канал эмиграции из Болгарии в СССР отсутствовал, между странами даже не были установлены дипломатические отношения. Известным революционером содействовали сами органы власти СССР, но большинство добиралось самостоятельно. Упомянутый выше Георгий Дубов с тремя однопартийцами в 1925 г. перешел югославско-австрийскую границу, а потом на поезде доехал до Вены. «Здесь в Вене нас встретил Цонев (Генов)¹, который каждому из нас, в том числе и мне, вручил советский паспорт, деньги и проездные документы»². Через два дня все четверо уже были в СССР. По прибытию в Москву группу в отеле встретил лично Георгий Димитров, который организовал их поступление в советские военные вузы. Также сухопутным путем по маршруту «Греция — Югославия — Австрия — СССР», но самостоятельно, добрался до Москвы рабочий, член БКП Танчо Георгиев³. А уроженец Софии Крум Милев оказался в СССР после перехода сухопутной границы Грузинской ССР и Турции, куда он бежал из Болгарии⁴.

Был еще один путь — через Грецию. Подробно его описал коммунист Илья Стойлов. В 1924 г. он и трое его соратников перешли болгарско-греческую границу. Но были арестованы местными властями и направлены в тюрьму на остров Сира. На тот момент там находилось несколько десятков беженцев из Болгарии. По линии Международной организации помощи борцам революции (МОПР) заключенные передали заявление в советское консульство в Стамбуле, после чего власти Греции разрешили И. Стойлову и еще 30 его соотечественникам выехать в СССР. Из Греции они на пароходе доехали до Одессы, где после проверки документов получили возможность остаться и работать⁵.

Наиболее простым и распространенным, судя по источникам, был морской путь из Варны в Одессу. Подробные сведения о нем приводятся в деле Николая Пинова. После нескольких неудачных попыток выехать из Болгарии морским путем он и еще 9 единомышленников купили парусную лодку и 19 сентября 1932 г. высадились в порту г. Одессы. Полгода они находились под арестом, но потом получили право работать в СССР⁶. Коммунист Филипп Шинев ехал из Варны «с группой русских эмигрантов белогвардейцев, участвовавших в Гражданской войне, входящих в “Союз возвращения на родину”, созданную по инициативе БКП»⁷. По прибытии он сумел встретиться с В. Коларовым, который дал ему личную характери-

¹ Генов Гаврил Димитров (псевдоним Цонев), деятель болгарского рабочего движения. Во время Сентябрьского восстания 1923 возглавлял вооруженную борьбу во Врачанском округе. В 1925–1926 гг. — член заграничного бюро ЦК БКП (тесных социалистов) — М.К.

² ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 10059. Л. 29.

³ ПермГАСПИ. Ф. 641/1 Оп.1 Д.15079. Л. 4 об.

⁴ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 52838. Л. 12–13.

⁵ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 13265. Л. 10–10 об.

⁶ ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 14923. Л. 33.

⁷ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 20609. Л. 15.

стику. С этим документом Ф. Шинев ездил по нескольким городам СССР, оказавшись в итоге в Нижнем Тагиле¹.

В июле 1934 г. в СССР из Варны на лодке прибыла еще одна группа из 10 болгарских коммунистов, шестеро из которых оказались в итоге на различных предприятиях Уральской области: Георгий Готиевский, Кресто Колев, Иван Иванов, Арсений Стефанов, Лазарь Димитров, Георгий Иванов и Василий Генов². Организатором этой поездки был, судя по всему, Иван Иванов, уроженец г. Варны. «Я купил за 1500 рублей моторную лодку и переезжал других указанных выше лиц. Остановился возле города Одессы, где и был арестован», — пояснял он в своей автобиографии³.

Прибыв в СССР, некоторые из болгар попадали на Урал, поскольку на рубеже 1920–1930-х гг. регион был центром активныхстроек и социальных преобразований. Строящиеся промышленные гиганты и образующаяся вокруг них инфраструктура создавали рабочие места для специалистов всех уровней. Судя по источникам, в г. Нижнем Тагиле был даже отдельный район — «Город эмигрантов». О жизни в нем писал Крум Милев⁴.

О численности болгарских эмигрантов известно немного. Имеющиеся источники, к сожалению, не позволяют вычислить даже примерную численность болгарских эмигрантов не только на Урале, но и в РСФСР. Основу болгарского населения РСФСР (23 862 чел.) в тот момент составляли переселенцы из Османской империи XVIII в., большая часть которых жила на территории Крымской АССР — 15 344 чел., 64 % всех болгар РСФСР⁵. Во внутренние регионы, в том числе на Урал, болгары начали попадать только в XX в., преимущественно в период раскулачивания [13, с. 18]. В Свердловской и Пермской областях в 1939 г., уже после репрессий 1937–1938 гг. проживало 334 болгарина, больше всего в Надеждинском (68) и Нижнетагильском (80) районах Свердловской области, а также в Добрянском районе в Пермской области (33)⁶. Опираясь на эти данные, численность болгарских политэмигрантов вычислить довольно сложно, но, вероятно, речь может идти о нескольких десятках человек.

Таким образом, репрессии против коммунистов в Болгарии начала 1930-х годов спровоцировали волну эмиграции. Выбор большинства пал на СССР, поскольку по их представлениям в этой стране не было преследований по политическим мотивам, и была возможность трудоустройства. Их численность незначительна, однако исторический путь и обстоятельства их появления позволяют глубже понять специфику истории болгар в России.

¹ Там же. Л. 10–10 об.

² ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 59632, 32744, 22448, 76790.

³ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 22448. Л. 9.

⁴ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 52838. Л. 4.

⁵ Всесоюзная перепись населения 1939 года. Национальный состав населения по регионам России http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39.php?reg=68.

⁶ Там же.

Жизнь и работа болгар в СССР. Имеющиеся источники позволяют частично реконструировать особенности жизни болгар после прибытия в СССР.

Приезжая в страну, они получали возможность жить и трудиться на общих с другими советскими гражданами основаниях, поскольку начиная с принятия в 1924 г. Положения гражданстве Союза ССР, во всех редакциях этого документа вплоть до 1938 г. содержался пункт об упрощенной процедуре получения гражданства для лиц, «ищущих убежища, вследствие преследования их за общественную деятельность»¹. Среди документов И. Иванова, например, сохранилось Удостоверение перебежчика со стороны Болгарии, выданное в СССР со сроком действия до 1 января 1937 г.² Болгарские эмигранты охотно принимали советское гражданство и даже меняли фамилии. Так, Степан Терзеев 1920-е гг. получил гражданство и взял себе фамилию Портнов³, Георгий Бойдиев и Филипп Шинев, приняв советское гражданство, вступили в ВКП(б)⁴. К середине 1930-х гг. среди политических эмигрантов — болгар, биографии которых рассмотрены в статье, уже не осталось поданных Болгарии.

Болгары устраивались на самые разные должности, некоторые даже делали карьеру и вносили вклад в развитие региона. Георгий Дубов, например, получив военно-инженерное образование в СССР, в качестве командира артиллерийской батареи служил в г. Вологде, а затем — на разных должностях в аппарате Главного военно-мобилизационного управления Народного комиссариата тяжелой промышленности. В 1934 г. он получил назначение на должность начальника отдела технического контроля Завода № 172 им. В.М. Молотова (совр. «Мотовилихинские заводы»). Его соотечественник болгарин Степан Терзеев работал в Перми завхозом здравпункта завода № 172. Кроме Г. Дубова и С. Терзеева в источниках отложились сведения о других болгарях, работавших на заводе № 172 [14, с. 90]. Георгий Бойдиев, живя в г. Березники с 1929 г., на момент ареста в 1937 г. занимал должность заместителя заведующего Вишерского бумкомбината⁵. Коммунист Николай Пинов был начальником Еловского лесоучастка Верхкамлеса⁶. Первым начальником Свердловского аэроклуба ОСОАВИАХИМа, начавшего свою работу 23 декабря 1933 г., стал Афанасий Афанасьев, болгарский коммунист и личный друг Георгия Димитрова.

¹ В разных редакциях Положения деятельность могла называться общественной или революционно-освободительной. См.: Положение о союзном гражданстве ССР. Утв. Постановление ЦИК СССР от 29.10.1924. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=3068#08113827957814717> (дата обращения: 08.04.2020).

² ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 22448. Л. 9.

³ ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 9164.

⁴ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 20609. 10 об.; ПермГАСПИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 28312. Л. 1.

⁵ ПермГАСПИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 28312. Л. 1.

⁶ ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 14923. Л. 10 об.

В послевоенные годы А. Афанасьев был министром гражданской авиации Болгарии¹.

Многие политические эмигранты занимали и обычные «рабочие» должности. Так, Лефтер Лефтеров, перешедший нелегально границу СССР в 1932 г., работал слесарем Госшвеймастерской города Надеждинска², его товарищ Арсений Стефанов — коচেгаром Бетонного завода Уральского алюминиевого комбината³. Иван Иванов работал на авторемонтной базе в качестве технического составителя⁴, а Илья Стойлов — рабочим в Горканализации Нижнего Тагил⁵. Крум Милев на Новотрубном заводе Нижнетагильского района занимал должность столяра⁶.

Еще один эмигрант Кристо Колев после приезда начал работать токарем на заводе, потом смог устроиться заведующим отдела женской обуви в универмаге, а в 1936 г. уже стал заведующим магазина «Универмаг» в Каменске-Уральском. «Трудился муж очень хорошо, часто допоздна, редко когда закрывал магазин во время, так как старался всех людей обслужить, чтоб все покупатели были довольны. За это люди его очень любили. Его портрет как передовика производства был на доске почета», — так характеризовала Кристо Колева его супруга Надежда⁷. К слову сказать, многие из политэмигрантов вступали в брачные отношения с местными жительницами, заводили детей. После начала репрессий 1930-х гг. члены их семей обращались в органы милиции, давая, как правило, положительные личностные характеристики своим отцам или мужьям⁸.

Живя в СССР, болгарские политэмигранты участвовали и в политической жизни. Специалист по политической эмиграции в СССР С. В. Журавлев в своей диссертации говорил, что «их взгляд на СССР был зачастую более острым и точным, а поведение — более адекватным реалиям» [15, с. 41]. Иван Добрев, работая инженером и видя путаницу и несогласованность на производстве, вынужден был «все бросить и заявить начальнику строительного управления Фельдману, что больше не во состоянии так работать»⁹. Немало материалов о политических дискуссиях сохранилось в деле Ф. Шинева, который «неоднократно выступал на партсобраниях в троцкистском направлении против генеральной линии партии, делал

¹ История авиации РОСТО (ДОСААФ) Свердловской области. Екатеринбургский аэроклуб РОСТО ДОСААФ. URL: http://aviasport-343.ru/history_aviation_rosto.htm (дата обращения: 08.04.2020).

² ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 61096. Л. 1.

³ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 63049. Л. 4.

⁴ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 22448. Л. 4.

⁵ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 13265. Л. 1.

⁶ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 52838. Л. 4.

⁷ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 52192. Л. 30–33.

⁸ В источниках также отложились письма жены Федора Яни — Миланы: ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 26388. Л. 20–22; Танчо Георгиева — Анны Никифоровой: ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 15079. Л. 16.

⁹ ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 7970. Л. 11.

контрреволюционные клеветнические выпады по отношению партруководства и ВКП(б)»¹. Судя по документам, Ф. Шинев, имея большой партийный стаж, действительно очень активно полемизировал с местными коммунистами. «Фраза “Каждое слово товарища Сталина должно служить (быть) законом для партии и каждого члена партии” говорит еще и о политической безграмотности ее носителей. Протестую против такой засоренности партийной чистоты», — сообщал он в 1937 г. И далее позволяя себе провокационные для того времени высказывания: «Всем личностям (хоть и семи пядей во лбу по выражению товарища Жданова) присуща погрешность и ошибочность, в том числе тов. Сталину»². Естественно, в условиях СССР второй половины 1930-х гг. такие высказывания были недопустимы. В 1935 г. Ф. Шинев был исключен из партии «за проявление ревизионизма учения товарища Сталина, за антипартийные выступления на партсобрании»³, а в 1937 г. — арестован. Вполне вероятно, что и другие болгарские коммунисты могли полемизировать с местными партийными организациями Урала.

Репрессии против болгар. Во второй половине 1930-х гг. в СССР происходят важные изменения во внутренней политике, в результате которых СССР стал более закрытой страной, отношение к иностранцам изменилось. Новое Положение о гражданстве Союза Советских Социалистических республик от 19 августа 1938 г.⁴, по словам Л.П. Белковец, «изъяло у иностранных граждан избирательные и иные политические права... перестали предоставляться права участия в управлении страной, право избирать и быть избранным в органы советской власти и на другие ответственные государственные посты» [16, с. 330]. А начавшиеся в 1937–1938 гг. репрессии коснулись практически всех иностранцев, в том числе и болгарских эмигрантов. Судя по источникам, некоторые из болгар еще до массовых арестов находились под наблюдением. Так, в рассекреченных материалах дела Кресто Колева имеются докладные записки сотрудников НКВД «Мстителя» и «Адама» о его поведении. «В СССР ему не нравится, говорит, что всем остальным болгарам тоже не нравится», — говорится в одном из таких документов⁵.

В 1937 г. политэмигрантов стали арестовывать, обвиняя по ст. 58 УК РСФСР в шпионаже в пользу одного из зарубежных государств. Ход и особенности следствия красноречиво отражены в материалах дела Федора Яни, арестованного в марте 1938 г. «за причастность к болгарским

¹ ГАООСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 20609. Л. 4.

² Там же. Л. 7.

³ Там же. Л. 36.

⁴ Закон «О гражданстве Союза Советских Социалистических республик» от 19 августа 1938 г. // Законодательство СССР и международные соглашения по вопросам гражданства. М., 1964. № 30. С. 23–24.

⁵ ГАООСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 52192. Л. 9–12.

разведывательным органам»¹. После обращения его супруги в органы РО НКВД Свердловской области было принято необычное для того времени решение — о пересмотре дела. В заключении Орджоникидзевского РО НКВД Свердловской области говорится, что следствие по обвинению Яни велось провокационным методом, путем «камерной обработки»². Сам Яни на допросе 21 июня 1941 г. сообщил: «Под давлением следствия я подписал составленный следователем клеветнический протокол с такими преступлениями, которые я совершенно не делал»³. Из показаний следователя по делу Ф. Яни Клевцева: «Обвиняемый Яни в порядке „камерной обработки“... был подготовлен для подписания показаний, после чего 8 марта 1938 г. вызван мною на допрос и подписал показания, которые не соответствуют действительности и материалом для обвинения Яни служить не может»⁴. Можно смело предположить, что и другие дела против болгар велись аналогичным способом. На допросах арестованные болгары все отрицали. И. Добрев от дачи показаний на следствии вообще отказался⁵, а Георгий Дубов ни на одном допросе не признал вины, хотя все равно был признан агентом японской разведки⁶.

Большая часть политэмигрантов болгар Свердловской области были арестованы в рамках одного «эмигрантского дела», начавшегося в 1937 г. в Нижнем Тагиле и Надеждинске, где они проживали. По легенде следствия, в Надеждинском районе болгарской разведкой была создана «контрреволюционная шпионско-диверсионная и террористическая организация», куда вошли болгарские политэмигранты. Руководителем этой группы был назначен больше всего подходящий на эту роль сын болгарского генерала Г. Готиевский. Созданное сообщество в источниках называется «РОВС», но при этом не встречается какой-либо расшифровки аббревиатуры. Каждый из политэмигрантов работал «в своей» среде. Среди студентов медиков Лазарь Димитров распространял «контрреволюционную клеветническую речь фашистского офицера, которую он слышал, находясь на собрании фашистов в г. Варна [...] восхвалял контрреволюционеров Троцкого, Зиновьева и Каменева»⁷. А «контрреволюционную пропаганду против политики партии и советского правительства среди перебежчиков и трудопоселенцев» проводил и болгарский перебежчик Георгий Иванов⁸. Н. Пинов, который, даже судя по личной анкете, неоднократно арестовывался в Болгарии за революционную деятельность, был обвинен в том, что «проживая в г. Варна Болгарии в 1927 г. вошел в связи с бол-

¹ ГАООСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 26388. Л. 22.

² Так избияния получения нужных показаний назвал следователь Клевцев. Там же: Л. 28.

³ ГАООСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 26388. Л. 51.

⁴ Там же Л. 25.

⁵ ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 7970. Л. 121.

⁶ ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 10059. Л. 10.

⁷ ГАООСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 76790. Л. 69.

⁸ Там же.

гарской политической полицией и занимался провокаторской деятельностью в рядах Болгарской компартии»¹. В эту организацию были «вписаны» не только болгарские политэмигранты, но и советские болгары, находившиеся на тот момент в Свердловской области. Например, членами «РОВС» были объявлены граждане СССР, уроженцы с. Андреевка Бедрянского района Донецкой области УССР Захар Тютюшев и его сын Илья, жившие в тот момент в Надеждинске на поселении².

О том, как происходило следствие по этому делу, свидетельствуют материалы допросов следователей 1940–1950-х гг. Особый интерес представляют документы К. Колева, вскрытые в рамках дела по разоблачению фальсификации следствия органами Челябинской области в июне 1940 г., то есть еще до массовой реабилитации 1950-х гг. Тогда были осуждены одновременно несколько руководящих работников, в том числе начальник УНКВД Челябинской области Ф.Г. Лапшин, его зам И.Г. Воронихин и др.³ Одним из свидетелей по делу выступал следователь С.С. Пикман, который вел дело Колева в 1937 г. В его показаниях отражены подробности «эмигрантского дела». Он сказал, что «операция по перебежчикам» началась в августе 1937 г., было арестовано примерно 60–80 чел. Следствие шло обычным ходом, но потом поступило распоряжение из Москвы «о слабых темпах разворота следствия». После этого его ход изменился. «Следователи требовали от обвиняемого лишь признания в части материалов по переходу границы. С арестованным беседовали, записывали нужные данные на бумажке, а потом в отсутствие обвиняемого составляли протокол допроса, который затем давали обвиняемому на подпись. Перебежчики друг друга называли вербовщиками в к-р организацию... Камерной обработки не было надобности вести», — показал С. Пикман⁴.

Приговоры для болгарских политэмигрантов были разными. Г. Дубов, например, в ходе следствия сумел получить характеристику от председателя БКП В. Коларова, который назвал его «стойким, преданным и членным партийцем»⁵. В январе 1939 г. следствие было прекращено «за недоказанностью», а сам Дубов освобожден из-под стражи⁶. Некоторые, как И. Добрев, К. Милев или Ф. Яни, получили лагерные сроки, но большинство из арестованных, в том числе проходившие по «эмигрантскому делу», были расстреляны в феврале-марте 1938 г.⁷

¹ ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 14923. Л. 21.

² ГАООСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 65554, 65556.

³ Лапшин Федор Георгиевич // Петров Н. В., Скоркин К. В. Кто руководил НКВД. 1934–1941. Справочник. Мемориал. URL: <http://old.memo.ru/history/nkvd/kto/biogr/index.htm> (дата обращения: 08.04.2020).

⁴ ГАООСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 52192. Л. 61.

⁵ ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 10059. Л. 39–39 об.

⁶ Там же. Л. 44–45.

⁷ Расстреляны: Георгий Готиевский, Георгий Бойдиев, Танчо Георгиев, Степан Портнов (Терзеев), Василий Генов, Лазарь Димитров, Кресто Колев, Арсений Стефанов, Илья Георгиев, Иван Иванов, Георгиев Танчо, Терзеев (Портнов) СтанР1–2-32744 Генов Василий

Источники позволяют реконструировать жизненный путь ряда политэмигрантов после освобождения. И. Добрев вышел из тюрьмы в июне 1941 г., и поехал к знакомым в Белгородскую область искать новую работу, больше семья его не видела¹. Уже упомянутый Ф. Яни в 1953 г. подавал официальную жалобу в Прокуратуру РСФСР, чтоб опротестовать приговор. «Поскольку я считаю что осужден без вины, так как никакой к/р деятельностью не занимался и незаслуженная судимость кладет на меня пятно, то прошу вас товарищ прокурор, истребовать мое дело из архива НКВД Свердловской области и опротестовать приговор по моему делу», — писал он². Крум Милев, судя по источникам, даже лично получал документы о своей реабилитации в 1989 г.³

В целом, можно констатировать, что Урал в 1930-е гг. был одним из важных районов политической эмиграции, в том числе из Болгарии. Прибывавшие в регион болгарские коммунисты быстро адаптировались в местной среде, заводили семьи, делали карьеру и даже участвовали в политической жизни. Эта эмиграция могла стать важным источником привлечения как людского ресурса в целом, так и квалифицированных кадров. Но в конце 1930-х гг. большинство политических эмигрантов, в том числе болгары, стали жертвами репрессий, а политическая эмиграция из-за ружья была ограничена [16, с. 280].

Миграция болгар на Урал не стала массовым явлением, однако она позволяет глубже взглянуть на фрагменты болгарской эмиграции в Россию и расширяет наши представления об истории болгар в России, раскрывает новые аспекты и особенности истории этнодисперсных групп Урала и Сибири в XX в.

Благодарность

Исследование выполнено при поддержке РФФИ, грант № 19–59–18003 «Болгары Урала и Сибири в XX–XXI веках: история, культура, идентичность».

Список источников

1. Штудер Б., Унфрид Б. Сталинские партийные кадры. Практика идентификации и курсы в Советском Союзе 1930-х гг. М.: РОССПЭН, 2011. 281 с.
2. Аврамов Р. Влияние Великой Октябрьской Социалистической Революции на революционное движение в Болгарии. М.: Политиздат, 1967. 160 с.
3. Велев Л. Б. Болгарский народ в борьбе против фашизма. Накануне и в начальный период второй мировой войны. М.: Наука, 1964. 372 с.
4. Кадацкий В. Ф. Политическая борьба в Болгарии в 30-е годы XX века. М.: Наука, 1984. 160 с.
5. История Болгарии в двух томах. Т. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 128–149.

Белевич, Иванов, Прокоп Прокопов, Лазарь Димитров, Кресто Колев, Арсений Стефанов, Илья Георгиев, Иван Иванов.

¹ ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 7970. Л. 203.

² ГАООСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 26388. Л. 17.

³ ГАООСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 52838. Л. 23.

6. Ганин А. В. Болгары — выпускники Николаевской военной академии в Гражданской войне в России // Славянский альманах. 2012. М.: Издательство «Индрик», 2013. 504 с. С. 450–467.

7. Гусев С. В. Русские и болгары после балканских войн. Взаимное разочарование // Славянский альманах. 2014. № 1–2. С. 123–133.

8. Жабчик С. В., Попов В. В. Болгары на территории казачьей Кубани в конце XVIII — начале XX века // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2015. № 107. С. 955–966;

9. Бугай Н. Ф. Депортация народов Крыма. Документы, факты, комментарии. М.: ИНСАН, 2002. 240 с.

10. Българите в Крим / съст. Георгиева И., Стоилов К. София: ИФ-94, 2009. 346 с.

11. Болгары в Крыму. 200 лет. Симферополь, 2004.

12. Носкова И. Крымские болгары. Историко-этнографический очерк. Симферополь, 2016.

13. Филипова М. П., Черных А. В., Каменских М. С. Болгары Перми. История и культура. СПб.: Маматов, 2018.

14. Болгарское сообщество Пермского края. Формирование, расселение, численность / Черных А. В., Кляус В. Л., Кляус М. П., Каменских М. С. // Вестник Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН. 2020. № 1. С. 90.

15. Журавлев С. В. Иностранцы в Советской России в 1920-е — 1930-е гг. Источники и методы социально-исторического исследования : дисс. ... д-ра ист. Наук. М.: Институт российской истории РАН, 2000. 603 с.

16. Белковец Л. П. Иностранцы в Советской России (СССР). Регулирование правового положения и порядка пребывания. 1917–1939-е гг. Первая часть. // Юридические исследования. 2013. № 5. С. 296–350.

17. Белковец Л. П. Иностранцы в Советской России (СССР). Регулирование правового положения и порядка пребывания. 1917–1939-е гг. Вторая часть // Юридические исследования. 2013. № 6. С. 220–284.

Информация об авторе

Каменских Михаил Сергеевич (Россия, Пермь) — канд. ист. наук, с.н.с., Пермский Федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук, Федеральное государственное бюджетное учреждение высшего образования «Пермский национально-исследовательский политехнический университет» (ПНИПУ), 614001, г. Пермь, Комсомольский пр-т, 29, e-mail: pomidorrr@mail.ru

Kamenskikh M. S.

Bulgarian Political Emigrants in the Urals in the 1920S and 1930S: Circumstances and Motives of Migration, Adaptation and Fate (According to the Materials of Judicial and Investigative Documentation)

The article is devoted to the study of political emigration of Bulgarians to the Urals in the 1920s and 1930s. Based on the data of forensic investigative documentation deposited in the archives of the Perm region and Sverdlovsk region, the circumstances of migration, life and adaptation of political emigrants from Bulgaria in the Urals, as well as the repression against them, are reconstructed. The author comes to the conclusion that in the 1930s, in the conditions of mass departure from the USSR, political emigration, including from Bulgaria, could become an important source of recruitment for the growing economy of the USSR. However, the beginning of the repression did not allow the migrants. The author is convinced that this issue is relevant not only for the study of political emigration in the USSR, but also for expanding the understanding of the history of local ethnodisperse groups in the Urals. Key

words: *Diaspora group in the Urals, the Bulgarians, the political emigration, the Soviet Union, political repressions.*

Author

Mikhail S. Kamenskikh — Ph. D., s. n. s., Perm Federal Research Center Ural Branch Russian Academy of Sciences (PFRC UB RAS). , Perm city, 614001, Lenina st., 13 a. Perm state national research polytechnic university. Perm city, 614001, Komsomolskiy prospect st., 29 e-mail: pomidorrr@mail.ru

Acknowledgment

The reported study was funded by RFBR, project number 19–59–18003.

References

1. Studer B., Unfried B. Stalin's party cadres. Practice of identification and discourses in the Soviet Union of the 1930s-Moscow: ROSSPEN, 2011. — 281 p.
2. Avramov R. Influence of the great October Socialist Revolution on the revolutionary movement in Bulgaria. Moscow, 1967.
3. Valev L. B. the Bulgarian people in the fight against fascism (before and during the initial period of the second world war). Moscow, 1964.
4. Kadatsky V. F. Political struggle in Bulgaria in the 30s of the XX century. Moscow, 1984.
5. History of Bulgaria in two volumes. 2. Moscow, 1955. Pp. 128–149.
6. Ganin A. V. Bulgarians-graduates of the Nikolaev military Academy in the Civil war in Russia // Slavyansk almanac Vol. 2012. 2013. Pp. 450–467.
7. Gusev S. V. Russians and Bulgarians after the Balkan wars: mutual disillusionment // Slavic almanac. 2014. No. 1–2. Pp. 123 to 133.
8. Zhabchik S. V., Popov V. V. Bulgarians on the territory of the Cossack Kuban in the late XVIII — early XX century // Polythematic network electronic scientific journal of Kuban state agrarian University. 2015. no. 107. Pp. 955–966;
9. Bugay N. F. Deportatsiya Narodov Krym (documents, facts, comments). Moscow, 2002.
10. Bilgarite V Krim / sbst. Georgieva I., Stoilov K. Sofia, 2009.
11. Bulgarians in the Crimea. 200 years. Simferopol, 2004.
12. Noskova I. Crimean Bulgarians: historical and ethnographic essay. Simferopol, 2016.
13. Filipova M. P., Chernykh A.V., Kamenskikh M. S. Bulgars of Perm: history and culture. Saint Petersburg, 2018.
14. Chernykh A. V., klyaus V. L., klyaus M. P., Kamenskikh M. S. Bulgarian community of the Perm territory: formation, settlement, population // Bulletin of the Perm Federal research center Uro RAS, 2020, no. 1, P. 90.
15. Zhuravlev S. V. Foreigners in Soviet Russia in the 1920s — 1930s: Sources and methods of socio-historical research. Diss. doctor of historical Sciences: 07.00.09. — Moscow: Institute of Russian history of the Russian Academy of Sciences, 2000. — 603 p.
16. Belkovets L. p. Foreigners in Soviet Russia (USSR): regulation of the legal status and order of stay (1917–1939s) the First part. // Legal research. 2013. №. 5. P. 296 — 350.
17. Belkovets L. p. Foreigners in Soviet Russia (USSR): regulation of the legal status and order of stay (1917–1939s) the Second part // Legal research. 2013. № 6. C. 220 — 284.